

**Опровержение «принципа Д.Юма» и категория «состояние»
или через новый взгляд на дескриптивно-прескриптивную проблему к
новой исследовательской парадигме**

На всём протяжении 20 века и с началом нового столетия была и остаётся актуальной такая методологическая проблема как дескриптивно-прескриптивное противопоставление. В разработке этой проблемы особенно сильной тенденцией было стремление избавиться от ценностей. М. Вебер, Р. Карнап, М. Шлик, и др. призывали освободиться от ценностей, противопоставляя их поиску истины. Ведь ценности всегда вероятностны. По словам М. Шлика [10], «философия должна заниматься поиском последних оснований познания, которые несовместимы с вероятностями и недостоверностями». Однако, заявлял о себе и противоположный взгляд. Так Г. Мюрдалем был выдвинут известный постулат о допустимости в науках об обществе явных оценок, при условии их ясного отделения от фактических утверждений. Мысль Гуссерля более радикальна, подразумевая единство феноменального мира и Я субъекта, он видит в жизненном мире ценностную основу всем «объективным» действиям, всем идеальным образованиям и построениям науки [4]. Генрих Риккерт считал, что «философские проблемы суть проблемы ценности [8]». Вильгельм Виндельбанд также выделяет оценки: «Различие между суждением и оценкой имеет в высшей степени важное значение потому, что оно даёт единственную возможность определения философии, как самостоятельной науки, строго отграниченной от других наук уже по своему предмету. Все другие науки должны именно устанавливать теоретические суждения: объект философии образуют оценки [2]». Позднее, Виндельбанд ещё более категоричен: «Человеческая мысль может совершать лишь двоякое: либо, в качестве эмпирической науки, понимать данные единичные факты и их причинную связь, либо же, в качестве философии, уяснять себе на почве опыта самоочевидные принципы абсолютной оценки [13]». Современная теория аргументации признаёт, однако, утопичность идеи о возможности точного и ясного разделения описания от оценки, также

как отделение фактов от теории. По мнению А.А. Ивина [5], выпустившего первый отечественный учебник по теории аргументации, «современная эпистемология - и в последние десятилетия это особенно заметно - всё более фокусирует своё внимание на деятельностных, и тем самым ценностных аспектах научного познания. Становится всё более очевидным, что вопреки старому убеждению, знание не сводимо к истине и включает также ценности. Знать - значит иметь представление не только о том, что есть, но и о том, что должно быть». «Всякий раз, когда объект сопоставляется с мыслью на предмет соответствия ей, возникает ценностное отношение».

Кроме того, если говорить о дескриптивно-прескриптивном противопоставлении на примере философского знания, то можно выделить категорию смысла как особую синтетическую категорию, в которой объединяются и описание, и оценка. И то и другое может обладать смыслом, а может и не обладать им, при том вообще, или для конкретного человека.

В свете представлений об отношении описательного и оценочного в знании важен «имеющий общеметодологическое значение [5]» «принцип Юма», названный так в честь впервые высказавшего его философа Д. Юма. Объясняя вообще все причины как отношения пространственного сосуществования и временной последовательности [6] и отрицая объективные причины [1], Юм заключает, что нельзя с помощью логики перейти от высказываний со связкой «есть» (описательная позиция) к высказываниям со связкой «должен» (оценочная позиция). Иначе говоря, не существует обоснованного логического вывода, посылками которого являлись бы только чисто описательные высказывания, а заключением - та или иная оценка или норма. Оценки и нормы выводимы лишь из посылок, включающих некоторые оценки и нормы [5]. По утверждению А.А. Ивина [5], никому не удалось продемонстрировать логический переход от «есть» к «должен» и опровергнуть тем самым принцип Юма.

Однако попробуем с новых позиций пересмотреть затронутую проблему и осуществить такой переход от описания к оценке и наоборот.

Прежде всего, не выглядит решенным вопрос о возможном противоречии между набирающей силу современной эпистемологической позицией (заключающейся в том, что описание и оценка есть части некоего целого) и принципом Юма, отрицающим их (оценки и описания) взаимную причинную связь. Какого рода отношение между описанием и оценкой? Способен ли анализ на основе категории состояния ответить на этот вопрос? С одной стороны, описание и оценку невозможно отделить друг от друга, с другой они не связаны.

Очевидно, что для решения этого вопроса необходима дополнительная категориальная мерность, в которой противоречие бы решалось. Используя категорию состояния, мы можем представить себе их отношения следующим образом. Состояние человеческого познания, имеет две стороны - факты (как образы, допускаемые теорией) и теории (как представления, допускаемые фактами). Следуя современной эпистемологии, можно утверждать, что всякий раз, когда факты сопоставляются с теорией, возникает оценка, как следствие самой активности субъекта познания, или наблюдателя. Таким образом, от состояния наблюдателя (его состояния познания, определённого его и общечеловеческим этапами развития) зависит, что именно он воспримет за факт, как его интерпретирует, как будет рассмотрено отношение между фактом и теорией.

Если оценка является следствием активности (состояние) субъекта познания, и то, какой она будет, зависит также от состояния субъекта познания, то описание можно представить как некий вывод, результат познавательной активности субъекта к предмету познания (будь то теория или феномены), результат соотнесения (сравнения, оценивания) его собственной когнитивной карты с данными органов чувств и приборов, итог некоего становления. Описание, таким образом, вопреки принципу Юма выводится из оценки. Выведенное нами из оценок описание (дескриптивное «есть»), как результат сравнения теории с опытом, основан не на прескрипции «должен», а на дескриптивно-прескриптивном обобщении соотнесения этих «должен» (теория) и «есть» (факт), при котором данные соотнесения выглядят как множество оценок (сравнений факта и теории по множеству параметров), которые затем обобщаются в описание, становятся в описание. Возможна и обратная конвертация описания в оценку, но уже не методом обобщения, а методом анализа. Соответственно, каждая успешно доказанная новая научная гипотеза, опровергнувшая старую картину мира, предполагает собой новый способ соотнесения (оценка) теории с фактами (анализ) и новое их обобщение (синтез) в описание.

В грубо-формальном смысле принцип Юма остаётся в силе в том смысле, что оценки прямо не выводятся из описаний и наоборот, но им и нет необходимости выводиться друг из друга прямым путём, для этого существует механизм, работающий с ними в одной системе, разделяющий с ними общее состояние. Этот механизм - становление (в другое состояние), осуществляемое логически через синтез и анализ, где вместо отрицаемых Д. Юмом и К. Поппером единичных связей между оценкой и описанием существуют множественные связи, где описанием становится множество оценок, благодаря их обобщению,

и где оценками становятся части разложенного на них описания, под воздействием новой гипотезы. Конечно же, становление множества оценок в описание основано не только и не столько на диалектике перехода количества в качество, сколько на причине изменения самого содержания, познаваемого в состоянии самого субъекта познания. Как всеобщее взаимодействие внешнего и внутреннего, состояние субъекта познавательной активности с каждым новым опытом соотнесения своей когнитивной карты со средой воспринимает следующее, становящееся бытие уже другим, уже в другом состоянии и этот опыт становится причиной следующего нового взгляда на действительность. Действительность, как становящееся бытие являет свою историчность как «раскрытие богатства изменений бытия, как происходящего [9]» в единстве со становлением познающего субъекта. Такое единство нераздельно и вместе с тем представляет собой взаимодействие. Такая непрерывная связь между субъектом познавательной активности и «внешней» действительностью не может интерпретироваться как простой переход количества воспринятых соотнесений когнитивной карты с чувственными и приборными данными в некое качество. Очевидно, что такая связь между субъектом и объектом познания подразумевает постоянные, непрерывные изменения самого содержания познаваемого. Изменение содержания познаваемого, таким образом, имеет в своей основе саму активность субъекта познания. Именно в этом смысле «всякий раз, когда факты сопоставляются с теорией, возникает оценка», как результат изменения содержания состояния познающего субъекта.

В этом смысле можно говорить о решении дескриптивно-прескриптивной проблемы путём включения оценки и описания в одну систему, обладающую состоянием, и, следовательно, включения такого атрибута состояния, как становление. В основе решения дескриптивно-прескриптивной проблемы противопоставления описания и оценки лежит решение противоречия между истиной и ценностью, как сущностного по отношению к противоречию описания и оценки. Указанное противоречие в рамках данной работы решается диалектическим синтезом субъективного и объективного в состоянии, как их взаимодействия. Как известно из истории философии, ценность и истина не существуют вне связи мысли и действительности. Эта связь представляется теперь как явление состояния (с позиции состояния как сущности).

Становление оценок в описание («определённые общие утверждения не рождаются законами, а постепенно становятся ими [5]») и разложимость описания на оценки, как на элементы системы и позволило увидеть проблему в но-

вом ракурсе. Таким образом, роль категории состояния здесь в том, что, объединив описание и оценку в систему, обладающую их общим состоянием, оказалось возможным выделить третью сторону состояния познания человечества, кроме фактов и теории - сторону становления одного в другое (фактов в теорию).

С позиции анализа дескриптивно-прескриптивной проблемы с помощью категории состояния интересен и вопрос о функциях оценки и описания. А.А. Ивин [5] утверждает, что функция описания – говорить о том, каким является предмет, а функция оценки – указание на то, каким мир должен быть (противопоставление «есть» и «должен»). Таким образом, по Ивину, описание даёт представление о действительности, а оценка даёт направление человеческой деятельности. Различие проводится так рельефно, словно между человеческими представлениями о действительности и человеческой деятельностью можно провести черту. Посредством же разрешения дуализма между описанием и оценкой (дескрипцией и прескрипцией) можно взглянуть на проблему иначе. Становление оценок в описание (посредством познавательной активности субъекта в виде обобщения, синтеза), и становление описаний в оценки (посредством познавательной активности субъекта в виде изменения когнитивной карты, выдвижения новой гипотезы) позволяет устранить метафизическую активность самих описаний и оценок, как обладающих функциями. Поясним.

Результатом активности субъекта является опыт (который располагается по-своему на каждой из сфер жизнедеятельности человека, а именно обстоятельственной, телесной, чувственно-эмоциональной, ментальной и духовной). Идеальная представленность опыта в виде знания ещё не предполагает никаких оценок и описаний самих по себе. Использование (в любой форме) знания субъектом и задаёт функцию знания, как функцию описания или функцию оценки. Из чего выходит, что не описание и оценка обладают функциями репрезентации действительности (описание) и направления деятельности (оценка), а сами по себе являются функциями. Когда субъект активности взаимодействует со средой таким образом, что главным оказывается восприятие (субъекта), тогда можно говорить о знании как о состоящем главным образом в функции описания. Когда же во взаимодействии субъекта активности со средой на первый план выходит воздействие (субъекта), тогда можно говорить о знании как о состоящем в функции оценки. Таким образом, *восприятие* и *воздействие* как две стороны взаимодействия выступают способами организации содержания состояния субъекта, где это содержание (в данном примере - знание) ис-

пытывает состояния, которые мы можем обозначить как функции оценки и описания. Очевидно, что восприятие и воздействие могут быть выделены при анализе состояния субъекта только условно (подобно причинным линиям в их «перекрещивании» - взаимодействии [7]) и, что более правильно говорить о них, как о сторонах единого взаимодействия, в котором и внешнее, и внутреннее обладают обеими этими сторонами.

Исходя из вышеизложенного можно также заключить, что противопоставление между «есть» и «должен» не является противопоставлением описания и оценки соответственно, а представляются как противопоставление сторон взаимодействия, то есть восприятия и воздействия соответственно, где, как упоминалось, категория описания выражает собой способ выделить из взаимодействия сторону восприятия, а категория оценки представляет собой способ выделить из взаимодействия сторону воздействия.

Принцип Юма опровергается нами не только показанной здесь возможностью логического вывода описаний из оценок, но и опровержением исходного для Д. Юма представления о «чистых описаниях». Т.е., возможно и ещё одно, независимое, другое опровержение принципа Юма.

Суть его в том, что методологически, чтобы обладать «чистым описанием» субъекту познания необходимо обладать абсолютно объективным восприятием, возможным только при том, что субъект познания должен быть лишённым всякой активности, что само по себе выглядит более чем фантастично.

Можно сказать и иначе. Чтобы обладать «чистым описанием» необходимо лишить описание всякого сравнения с собственно феноменом с помощью абсолютной изоморфности описания самому феномену. Что это за описание тогда, если не сам феномен? Следовательно, обладателю «чистого описания» феномена необходимо быть этим самым феноменом. То есть неким самосознанием такого содержания, которым и является само это самоосознание. Субъект замыкается сам на себя в своём самодвижении. Исчезает дуальность собственно объективного и субъективного и «описание» (возникнув, здесь уже как категория активности субъекта) перестаёт иметь смысл. Однако сам поиск такого «чистого описания» оказывается закономерным следствием общего процесса самопознания человечества, оно предстаёт перед нами подобно физической вселенной, готовящейся к фазе сжатия самой в себя (кто знает, возможно, здесь может быть что-то большее, чем аналогия). Состояние познания человечества, таким образом, в идее «чистого описания» заключило более глубокий смысл, нежели описание как представление о внешнем. В самой идее «чистого описа-

ния» заложен смысл познания внутреннего как единого с внешним, заложена (скорее всего, неосознанно) идея такого состояния, в котором решается противоречие объективного и субъективного. Конечно же, принцип Юма только способ, каким общее намерение самопознания человечества реализовало себя в истории в наиболее адекватной на тот период форме. Возможно, наша интерпретация больше соответствует современности.

И последнее, на чем хотелось бы остановиться в этой статье – это место нового понимания дескриптивно-прескриптивной проблемы в современной научной и философской культуре.

Научная парадигма, начиная с Ф. Бэкона, развивалась по принципу опосредованного познания – объективного. Соответственно, любые формы непосредственного познания – субъективны уже по определению. В этом смысле описание должно быть объективным, т.е. достигнутым и подтвержденным опосредованно (например, через структурированное наблюдение и эксперимент), а оценка всегда субъективна, в противном случае это уже не оценка, а констатация факта – описание. Если к такому положению вещей приложить выработанный выше принцип обратимых переходов описания и оценок друг в друга (уже в качестве индикатора, маркера методологических перемен), то можно предположить скорое изменение в самих культурных основах познания, изменение общей стратегии, парадигмы (научного?) исследования. Дело в том, что взаимообратимость и взаимовыводимость описания и оценки указывают на уже давно, но имплицитно работающий в культуре механизм *избирательного* обобщения. Имеется в виду, что теория, являясь итогом обобщения, несет в себе и результат самого процесса обобщения, избирательного по своей природе. И в этом ракурсе то, что понималось, как объективное исследование является скорее *объективированным* исследованием, а это принципиально отличное от декларируемого наукой. Если мы будем утверждать обратное, а именно, что обобщение абсолютно, тогда само обобщение и, следовательно, познание теряет всякий смысл, ибо абсолютное обобщение предполагает знание всех без исключения оснований и атрибутов познаваемого, а тогда что же познавать?

Вспомним здесь о выведенном выше понимании описания и оценки как функций (соответственно восприятия и воздействия) состояния познающего субъекта. В этом ключе, избирательное обобщение «фактов» - это всегда приложение активности познающего субъекта к «фактам» через призму уже существующих представлений. И в этом смысле, имплицитный (через эти представления) отбор «фактов» для обобщения есть ни что иное, как оценка (соответ-

ствия представлениям), а значит (функционально) – действие, воздействие субъекта на познаваемый «факт». И, с другой стороны, осознанное концептуирование теории, формулировка ее положений есть описание, а значит (функционально) – восприятие. Выходит, что, воспринимая, мы всегда видим только результаты собственной активности, и мы не столько познаем действительность, сколько оформляем ее и ее данные. Раскрытие дескриптивно-прескриптивного противопоставления, таким образом, с новой стороны указывает на то, что познание не есть активное отражение пассивной действительности, а есть взаимоактивный (и взаимопассивный) процесс – взаимодействие, при котором изменяется содержание и форма всех участвующих во взаимодействии сторон.

В завершение, специально хочется оговорить – высказанная методологическая позиция не является аргументом в пользу солипсизма, подобное упрощение оказалось бы абсурдным выпячиванием одной из сторон взаимодействия, и в этом смысле полностью противоречило бы всему вышеизложенному. Солипсизм – это, безусловно, крайность, однако, возвращаясь к поставленной проблеме, можно сделать вывод: новая исследовательская парадигма как ось научной и философской культуры должна учитывать творческую (в прямом смысле) природу познания.

Список литературы

1. Блинников Л.В. Великие философы: Учебный словарь-справочник // Изд. 2-е, М., Издательская корпорация «Логос», 1998, С.417.
2. Виндельбанд В. Что такое философия? (О понятии и истории философии) // Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904, С.1-44.
3. Виндельбанд В. Избранное. Дух и история // М., 1995, С.22-58.
4. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос, М., 1911, Кн.1., С.2-56.
5. Ивин А.А. Основы теории аргументации: Учебник // М., Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997, С.152, 163, 307, 195, 308, 181, 240, 195.
6. История философии в кратком изложении // Пер. с чеш. И.И. Богута, М., Мысль, 1991, С.418.
7. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы // Пер. с англ., К., Ника-Центр, 1997, С.514.
8. Риккерт Г. О понятии философии // Логос, М., 1910, Кн.1., С.19-61.
9. Хайдеггер М. Время и бытие // Разговор на просёлочной дороге. М., 1991, С.81-86.

10. Шлик М. Поворот в философии // Аналитическая философия, избр. тексты, сост. А.Ф. Грязнов, М., 1993, С.28-33.